
ЧЕТВЕРТАЯ ЖЕНА СУЛТАНА
МЕНЯ ОБЪЯВИЛИ ПОГИБШЕЙ
В. К. Косс

В.К. Косс

Четвертая жена султана. Меня объявили погибшей

«Автор»
2026

Косс В.

Четвертая жена султана. Меня объявили погибшей / В. Косс — «Автор», 2026

Мой муж объявил, что я утонула. Я услышала эту новость по радио в камере, куда он сам приказал меня запереть. А потом в эфире прозвучал мой голос.Я была четвертой женой султана. Когда с пропавшего катера передали последний сигнал бедствия, я узнала голос из учебной записи, которую сама сделала год назад. Я отнесла доказательство в полицию. Полицейские отвезли меня к мужу.Из соседней камеры мне ответил Надим. Его имя уже читали по радио среди погибших. Он был жив. И именно он внес в портовый журнал вызов, которого никогда не слышал.Чтобы выбраться, мне придется довериться человеку, который уже помог выдать живых за мертвых. Теперь среди погибших числюсь и я.

© Косс В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Мужчина, которому я верила 5
Глава 1. Голос в эфире 5
Глава 2. Четвертая жена 10
Глава 3. Семь пустых стульев 15
Конец ознакомительного фрагмента. 20

В.К. Косс
Четвертая жена султана. Меня объявили погибшей

Часть I. Мужчина, которому я верила

Глава 1. Голос в эфире

На записи тонул человек, которого я год назад попросила говорить чуть медленнее.

— Второй буй, — сказал он. — Мы у второго буя.

Между двумя «буями» кто-то дважды ударил по микрофону. Первый удар был глухим, второй отозвался коротким металлическим звоном.

Я остановила запись.

За стеклом студии работал грузовой кран. Стрела поворачивалась так медленно, что я замечала движение только по тени, ползущей через соседнюю крышу. Внизу, у рыбного павильона, мужчина мыл из шланга пластиковые ящики. На записи бушевал шторм. Здесь стоял такой ясный день, что с моего стула был виден белый фургон на противоположном берегу гавани.

На экране под звуковой дорожкой шли субтитры.

«Последний вызов катера «Рахат». 18 октября, 23:41.»

Я вернула курсор на несколько секунд назад и снова надела наушники.

— Берег, ответьте. Второй буй. Мы у второго буя.

Два удара.

Год назад, в конце сентября, портовая служба проводила учебную тревогу. Мне поручили записать переговоры для фильма, который показывали новым сотрудникам. Капитан, которому досталась роль в учебной записи, подвернул ногу по дороге на причал, и его подменил диспетчер Надим Сафар. Он сидел на перевернутом ведре в пустом ангаре и читал реплики капитана, у которого заглох двигатель. С третьего дубля он начал злиться.

— У меня тут в сценарии вода по колено. Чего вы хотите от моей дикции?

— Чтобы на другом берегу поняли, у какого вы буя.

— У второго. Я же сказал.

— Вы сказали «у втробуя». Это новый буй, мы его еще не поставили.

Тогда он снял очки, протер их краем рубашки и попробовал еще раз. Радиостанцию ему одолжил дежурный. На ремешке болталось сломанное металлическое кольцо. Надим переложил рацию в другую руку, и кольцо сначала задело его палец, а потом стукнуло прямо по корпусу.

Я велела больше так не делать. В окончательной версии ударов не было.

В том, что я помнила год спустя, ничего удивительного. Звук, который мне удалось убрать за две минуты, редко оставался в памяти. На это кольцо я потратила весь обед.

Учебную тревогу я нашла на старом рабочем диске. Папка называлась «Порт_учения», внутри было двенадцать дорожек и фотография распорядка дня, которую я сделала, чтобы запомнить порядок дублей. Я открыла шестую дорожку.

Где-то за спиной Надима проехал погрузчик. Надим дождался, пока он стихнет.

— Второй буй. Мы у второго буя.

Глухой удар. Металлический звон.

Я поставила два файла друг под другом и совместила их по первому удару. На записи с «Рахата» голос был тоньше, сильнее шипел, а в самом начале слова «второй» тонул под волной помех. Я убрала низкий гул и прослушала отрезок еще раз. На слове «мы» совпал короткий сбой дыхания, который я тогда приняла за попытку Надима сдержать кашель. Совпала пауза между фразами. Совпали оба удара и то, как звон затихал под концом последнего слова.

Четыре секунды. Дальше записи расходились. В учебном файле Надим кашлянул и спросил, свободен ли он. В новом кто-то крикнул ему держаться.

Я развела записи по каналам. Слева звучал учебный дубль, справа вызов с «Рахата». Сначала я еще различала их по шипению. Когда закрыла глаза, услышала два голоса, которые в точности повторяли друг друга.

Телефон завибрировал по столу. Ясмин.

— Я отправила новую концовку, — сказала она. — Скажи, что ты еще не вывела мастер.

— Еще нет.

— Отлично. На последнем титре убери «памяти экипажа». Там были пассажиры. Мне уже дважды поправили.

— Ясмин, откуда у нас последний вызов?

В трубке стих стук клавиш. Ясмин ответила только после этого.

— Из портового архива. В сопроводительном письме было.

— Письмо от вашей пресс-службы. Кто передал звук вам?

— Марина, если там опять неправильное название катера, я переживу. Если опять нужно добывать запись у портовых, у меня на это ушла неделя.

— Вызов совпадает с учебной записью. Той, которую я делала в прошлом году.

— Ты уверена, что взяла нужный файл?

Я посмотрела на имя дорожки. Пакет был скачан час назад. В нем лежали фотографии причала, фотография спасательного жилета на гальке и двадцать девять секунд звука.

— Пришли мне письмо, которым вам это передали. Вместе с вложением.

— Хорошо. И пока останови выгрузку. Я через сорок минут в фонде. Лейла хочет показать семьям отрывок перед общей встречей. Что ей сказать?

— Что мне нужно проверить запись.

— Она спросит, что именно.

— Пусть позвонит мне.

Ясмин вздохнула. Обычно на этом месте она произносила: «Я так и сделаю». Следом сразу становилось понятно, сделает она это или нет. На этот раз она сказала:

— Тебе ведь прислали список погибших?

— Да.

— Посмотри, кто там четвертый.

Она отключилась. Я открыла список.

Надим Сафар стоял четвертым. Тридцать семь лет. Портовый диспетчер. На фотографии он был в белой рубашке с нагрудным карманом. Из кармана торчал кончик карандаша.

* * *

Портовая контора стояла в пяти минутах от студии, если идти по улице. Через набережную получалось вдвое дольше. Сначала нужно было обогнуть рыбный павильон, потом пройти вдоль ограждения нового причала. Я пошла этим путем, потому что с утра видела там рабочих и хотела посмотреть, что они делают.

Новый причал закрыли после обвала. За шесть недель забор успели перекрасить дважды. На свежей синей краске еще проступали белые буквы старого лозунга. Из воды торчал край бетонной плиты, и в щели между плитой и сваей застрял ярко-оранжевый шланг. Рабочий

в жилете стоял над ним и объяснял напарнику, почему шланг нельзя просто выдернуть. Он говорил терпеливо, как человек, который за смену уже много раз объяснял одно и то же.

Я помнила, как здесь было в день открытия. Поставили три ряда складных стульев. Кто-то надел на спинки чехлы из белой ткани, и ветер срывал их один за другим. Адиль наклонился поднять один. Фотограф побежал следом, чуть не упал, а Адиль поймал его за локоть. Вечером за ужином он рассказывал мне, что фотограф весь день держал камеру правой рукой и ел рис левой, потому что боялся пропустить кадр.

Через три дня часть настила рухнула под погрузчиком. Водителя вытащили сразу. Второго рабочего нашли утром. Я тогда сидела в студии и убирала треск из речи, которую Адиль произнес на открытии.

У служебной калитки я достала пропуск. Охранник сверил фотографию с моим лицом, хотя мы виделись каждую неделю.

— В контору по улице, госпожа Левина. Вдоль воды теперь дальше не пройти.

— Даже до старого карантина?

Он показал на красно-белую ленту поперек прохода.

— До карантина можно с другой стороны. Если вам туда, у склада сверните вверх. По низу вас сегодня развернут.

За его плечом было видно, как берег уходил дугой к каменному зданию с узкими окнами. Его построили еще тогда, когда заболевших моряков держали отдельно от города. В пристройке много лет работала портовая амбулатория. Самира показывала мне ее однажды, когда отбирала вещи перед переездом в новую клинику. Я запомнила крутую лестницу к воде и нарисованную на стене черную черту, до которой доходило море во время больших приливов.

От карантина до частной пристани было недалеко по воде. Пешком между ними приходилось обходить территорию старых складов. Мы с Адилем как-то пытались сократить дорогу и уперлись в забор. Он уверял, что забор поставили недавно. Сторож сказал, что лично красит его пятнадцать лет. Адиль дал ему время досмеяться, а потом спросил, где можно пройти.

Я вернулась на улицу.

В портовой конторе у стенда с расписанием стояла женщина в тапочках, поверх которых натянула бахилы. Она держала в руках голубой конверт и ждала, пока сотрудник закончит разговор. Увидев меня, сотрудник за стойкой выпрямился. Женщина шагнула в сторону. Я осталась за ней.

— Я пришла за источником записи, — сказала я, когда дошла очередь. — Для выставки о порте. Мне нужен журнал поступления материалов.

Сотрудника звали Фарид. Он обычно помогал мне с датами и никогда не переспрашивал, зачем нужна разница между выходом судна и разрешением на выход.

— Какой номер?

Я назвала номер из имени файла.

Он несколько раз щелкнул мышью.

— Доступ ограничен. Я могу видеть, что файл есть, а карточку не открывает.

— Кто ее закрыл?

— Марина, сейчас половину документов закрыли из-за проверки. Вам официальную заявку дать?

— Дайте. И скажите, кто сегодня за диспетчера.

Он указал на лестницу. На площадке второго этажа женщина с коротко остриженными волосами пыталась открыть пачку печенья, придерживая локтем стопку папок. Я поднялась и подхватила нижнюю папку, пока она не съехала.

— Спасибо. Хотите одно?

Я взяла печенье. Пачка оказалась с имбирем.

— Мы с вами не знакомы. Марина Левина. Я записывала учения в прошлом году.

— Рима. Я старшая смены. Помню вас. Вы велели выключить холодильник в диспетчерской, и у нас растаяло все мороженое.

— На восемь минут.

— Крышку забыли закрыть. С тех пор это мой аргумент против записи любых интервью.

Она усмехнулась, но папки положила надписями вниз.

— Рима, вы дежурили в ночь, когда пропал «Рахат»?

— Я сменилась в шесть вечера.

— Тогда кто принимал его вызов?

Она доела печенье. На лестнице хлопнула дверь, и мы обе обернулись.

— Спросите у начальника порта.

— Спрошу. Вы можете сказать хотя бы, голос Надима в записи узнавали?

Рима сняла с верхней папки скрепку и вернула ее на место.

— Мы проработали рядом девять лет. Я узнавала его по тому, как он ставил чашку на стол.

— Значит, это он?

— Я слышала только то, что передали по радио.

Она подняла папки.

— Если получите журнал, посмотрите, указано ли там, откуда взят сам файл. В журналах пишут и время вызова, и время, когда его занесли. Это разные графы. Их часто путают.

— Вы хотите, чтобы я посмотрела на время?

— Я хочу, чтобы вы читали заголовки граф, — ответила она и пошла к двери.

Печенье застряло у меня между зубами. Пока я пыталась вытащить крошку языком, внизу женщина в бахилах вновь подошла к стойке. Фарид попросил ее оставить конверт. Она спросила, кто распишется за получение. Я не расслышала его ответ. Услышала только, как она сказала, что сядет и подождет.

* * *

Ясмин переслала письмо, когда я возвращалась в студию. Отправителем был общий адрес портовой службы связи. В теле письма стояло одно предложение с просьбой использовать приложенный звуковой файл в памятных материалах. Имя отсутствовало. Вложение совпадало с тем, которое уже было у меня.

Придя, я открыла рабочий пакет заново и полезла в папку с субтитрами. Указание 23:41 было прописано дважды. В тексте под записью и в короткой хронологии для ведущего. Год назад на учениях дубль с Надимом сделали в одиннадцать утра. В ангаре было так жарко, что ко второй половине записи у меня начали отклеиваться от пола полосы ленты, которыми я прихватила кабель. Мне не требовались свойства файла, чтобы вспомнить время суток.

Случайную ошибку пока можно было представить. Кто-то из архива отправил учебный фрагмент по ошибке. Кто-то подложил его в ролик для выставки, потому что настоящая запись была плохой. В этом случае из ролика нужно было убрать четыре секунды, а Ясмин могла бы перестать звонить портовым.

Я набрала Фарида и попросила поискать первое сообщение о катере. Сводку за ночь. Он сказал, что старые сводки есть на сайте, и прислал ссылку.

В утреннем бюллетене было написано, что сигнал бедствия приняли в 23:41. Ниже стояла фраза, якобы переданная с борта.

«Второй буй. Мы у второго буя.»

Бюллетень опубликовали в шесть десять утра, пока береговые группы еще искали катер. Его подготовили за несколько недель до выставки.

Я открыла вчерашний рабочий проект. В последнем кадре на воде качался красный буй, снятый при дневном свете. Камеру держали на берегу, и с каждой волной буй на секунду уходил за верхний край кадра. Монтажер поставил поверх него голос Надима. Следом шли имена.

Я выключила звук в проекте и сохранила отдельную версию. Потом экспортировала оба исходных отрезка и файл сравнения. Подписала, где что, и указала дату. Рукам досталась простая работа. Они ее выполнили.

На телефоне появилось сообщение от Адиля.

«Ты дома к восьми? Повар положил в холодильник пирог, который ты просила. Я его пока берегу.»

Я стала печатать ответ про запись, стерла и написала, что буду к восьми.

Потом вернулась к списку погибших. Над фотографиями шли фамилии, под фотографиями — возраст. Внизу был номер фонда для родных.

Я дослушала учебный дубль до конца. Год назад при монтаже я останавливала его сразу после последней фразы. За кашлем и вопросом, свободен ли он, шел еще один голос. Мой.

— Да. Выключайте.

Дальше Надим спросил, можно ли ему забрать стаканчик с кофе. Кто-то сказал, что он холодный.

— Я знаю, — ответил Надим. — Я его с утра жду.

До конца файла оставалось восемь секунд. Все это время он возился с крышкой.

Глава 2. Четвертая жена

К восьми от пирога осталась половина.

— Это результат охраны? — спросила я.

Адиль поднял взгляд от тарелки.

— Человек, который охранял первую половину, очень старался.

Он сидел на кухне в рубашке с закатанными рукавами. В большой столовой на первом этаже за столом помещалось восемнадцать человек. Вечерами, когда мы оставались вдвоем, Адиль предпочитал есть здесь, рядом с холодильником. Повар оставлял нам еду в невысоких стеклянных формах. Адиль подогревал свою порцию и ставил мне таймер на минуту меньше, потому что я терпеть не могла, когда рис с краев становился сухим.

На стене над холодильником висела фотография моей матери с нашими свадебными цветами. Снимок был неудачный. Мама смотрела в сторону, а букет заслонял ей подбородок. Ей он нравился именно поэтому. Когда в палаце предложили убрать из кухни бумажки и магниты, Адиль попросил оставить фотографию на месте. Магниты переселил на боковую стенку. Там мы оба забывали про список покупок.

Я села напротив и поставила телефон экраном вниз.

— Как прошло? — спросил он.

— У тебя или у меня?

— У тебя. Я знаю, как прошло у меня. Мне три часа показывали чертеж и за три часа ни разу не перевернули его нужной стороной.

Я взяла вилку, попробовала пирог. Внутри были кислые сливы. Повар, видимо, положил их слишком много, как я и просила.

— Ты когда-нибудь слышал последний вызов с «Рахата»?

Адиль накрыл остаток пирога тарелкой.

— В новостях. А что?

— Какой голос ты помнишь?

— Человек просил помощи. Сказал, где они. Я стоял возле телевизора. Кто-то подошел со списком, я уже смотрел в него.

Он поднял на меня глаза.

— Это в выставку вошло?

— Должно было. Я нашла тот же отрезок в учебной записи прошлого года. Я записывала ее сама.

Он подождал, пока я прожую. В первые месяцы знакомства меня удивляло, как спокойно он выдерживал паузу за столом. Многие мужчины, которых я до него знала, перебивали на первом вдохе. Адиль иногда ждал, пока я вытру рот салфеткой и закончу мысль. Однажды я спросила, откуда у него такое терпение. Он сказал, что в детстве ел очень горячий суп и всякий раз обжигался, когда пытался говорить с полным ртом. Я поверила. Он до сих пор дул на суп, даже когда тот давно остывал.

— Тот же голос или те же слова? — спросил он.

— Те же четыре секунды. Целиком. Голос, дыхание, два удара по рации. Послушай.

Я достала наушники и протянула один ему. Провод дотягивался только до середины стола. Адиль пересел рядом.

Я включила сначала учебный дубль, потом фрагмент с «Рахата». Отодвинула тарелку, чтобы было куда положить телефон. Адиль один раз прослушал обе записи и попросил повторить.

— Второй удар, — сказал он.

— Слышишь, как звенит?

— Да.

Он снял наушник и положил его рядом с моей вилкой.

— Прости, если вопрос глупый. Они могли взять учебную запись, чтобы восстановить пропавший кусок для выставки?

— Могли. Но слова из нее есть в сводке первого утра. Я подняла бюллетень. В шесть утра искали катер и уже цитировали эту фразу как настоящий вызов.

— Значит, надо поднять журнал, который вели в ту ночь.

Это была первая вещь, которую я сама хотела сделать. Услышав ее от него, я вдруг поняла, как устала за день держать в голове все варианты, при которых все это могло оказаться простой ошибкой.

— В конторе его не дали. Доступ закрыт перед проверкой.

Адиль постучал ногтем по стеклянной форме.

— Я могу попросить, чтобы открыли. Только сначала хочу понять, что мы им предъявляем. Пришлешь оба файла?

— Здесь у меня отрывки. Полные в студии.

— Мне удобнее полные. Если спрошу про четыре секунды, мне принесут четыре секунды и ничего вокруг.

Я сказала, что могу отправить утром. Он кивнул и пододвинул мне форму с рисом.

— Ешь, пока еще теплый.

* * *

Мы познакомились из-за такого же ветра, какой стоял на записи с «Рахата». Настоящего, с песком, который забивался в молнии сумок.

Я приехала в Сархан работать над фильмом про старую паромную линию. Один из героев, механик по имени Саид, помнил, как она открылась, и обещал показать мне деревянный причал, с которого уходил первый паром. В назначенный день начался шторм. Группа свернула съемку к обеду, а я уговорила водителя подвезти меня к берегу. Хотела записать волну под настилом. Саид объяснил, что на старом причале доски лежат с широкими зазорами и звук оттуда идет сразу сверху и снизу.

У береговой лестницы меня окликнул мужчина в серой куртке. Спросил, есть ли у меня кого позвать, если сорвет стойку.

Я сказала, что обычно справляюсь одна. Он указал на мою сумку. Она уже медленно ехала по мокрым доскам.

Мы поймали ее вдвоем. Он хотел вернуться в город. Я предложила подвезти его и попросила пока подержать стойку, чтобы проверить уровень. Он простоял так минут двадцать. Каждый раз, когда собирался сказать что-нибудь, сначала смотрел, опустила ли я руку. В конце у него так замерзли пальцы, что я сама сняла с его запястья страховочный ремешок стойки.

Только когда наверху появился водитель и побежал к нам через дорогу, я поняла, почему человек в серой куртке так смутился, услышав, что я собираюсь сама довезти его в город.

Позже мы вернулись туда в тихую погоду. Адиль принес два полотенца и пакет с горячими лепешками. За едой рассказал, что у него три жены. Назвал их по именам и предупредил, что с Лейлой мне еще предстоит познакомиться по работе. Ее фонд помогал нашему фильму оплатить ремонт паромного архива.

Я уже знала про жен. Водитель рассказал, пока мы везли аппаратуру обратно. Но мне было важно, что Адиль произнес это сам, на деревянном причале, где у меня под ногами стояла упакованная сумка и я в любую минуту могла уйти.

Я спросила, как это работает, когда одна из них хочет увидеть его в день, который он обещал другой.

— Если это срочно, я еду, — ответил он. — Если можно подождать, я спрашиваю, можно ли подождать.

— А если ты просто хочешь поехать?

Он отломил кусок лепешки.

— Тогда мне придется сказать именно это.

Я вспомнила тот ответ за ужином, пока Адиль соскребал приставший к стеклу рис. Однажды он действительно так и сказал. Собирался идти со мной в кино, а Лейла позвала его посмотреть, как ее племянница играет в школьном спектакле. Он хотел пойти к ней. Я тогда страшно рассердилась, хотя фильм посмотрела с удовольствием. Позже он пришел домой, снял ботинки у порога и просидел со мной на кухне до часу ночи. Мы спорили о том, почему мне пришлось узнавать про спектакль уже в куртке. На следующее утро он переписал расписание на месяц и вписал в него все выступления девочки.

Перед свадьбой я задала ему вопросы, которые записала в телефон по дороге к нему. Где я буду работать. Смогу ли уехать домой на месяц, если матери понадобится помощь. Кто будет распоряжаться моими договорами. Он надел очки, взял телефон, прочитал все до конца и начал с пункта, который я собиралась удалить, потому что он казался мелочным.

— Если захочешь остаться в своей студии до трех ночи, — сказал он, — мне можно тебе позвонить?

— Один раз.

— Хорошо. Один раз. А если ты не ответишь?

— Утром буду должна тебе кофе.

С тех пор после полуночи он звонил ровно один раз. Пару раз я платила кофе. Чаще просто брала трубку.

— Ты где? — спросил Адиль.

Я посмотрела на его руку. Он перестал скрести форму и держал вилку над столом.

— На старом причале, — сказала я.

— Ты там вечно стоишь, когда задумываешься.

— Ты откуда знаешь?

— Иногда ты смотришь на меня так, будто сейчас попросишь подержать что-нибудь тяжелое.

Я засмеялась. Смех вышел неожиданно и закончился раньше, чем я хотела.

— Я помню, как Надим кашлянул сразу после записи. Помню, что он спросил про стаканчик. Весь день думаю о нем так, будто только вчера с ним работала.

Адиль положил вилку.

— Я его мало знал. В лицо здоровались. Когда проверяли запуск нового причала, он меня поправил перед всей делегацией. Я перепутал северный канал и выход в море.

— И что ты сделал?

— Повторил правильно. Еще раз перепутал через минуту. Он поправил снова.

Я ждала продолжения, но Адиль взял кувшин и налил нам обоим воды.

— Слышать живого человека после того, как вам сказали, что он погиб, тяжело, — сказал он. — Особенно если запись у тебя в руках и ты знаешь, когда ее делала.

Он сказал «вам», как говорил иногда, когда хотел включить в разговор и себя, и других людей. Я отнесла это к семьям. Они наверняка слышали тот же фрагмент, когда по радио рассказывали о поисках.

— Лейла завтра собирает родных, — сказала я. — Ясмин хотела им показать ролик. Я остановила выгрузку.

— Правильно. Поговори с Лейлой утром. Если собирались показать ролик, лучше сказать семьям, что с ним происходит. Они уже привыкают, что им переносят встречи и ничего не объясняют.

От этих слов мне стало легче. Он мог попросить меня тихо заменить звук и забыть. Вместо этого предложил поднять журнал и поговорить с семьями. Я взяла телефон, подключилась к студийному диску и нашла обе дорожки.

— Отправлю сейчас. Скажи, куда.

Он назвал свой личный адрес. Я приложила полные файлы, а в сообщении указала, на каких секундах искать совпадение. Пока они грузились, он нарезал остатки пирога и положил самый подгоревший край мне. Я всегда отнимала его у него, когда мы делили выпечку.

* * *

После ужина Адиль ушел к себе звонить. Я поднялась в комнату, открыла окно и набрала маму. Она ответила с четвертого гудка. Из трубки донеслось шуршание, как будто она была внутри пакета.

— Подожди, я в куртке. Одной рукой никак.

— Ты где?

— На балконе. Принесла горшок. Соседка говорит, на ночь холодно. Сейчас занесу.

Я подождала. Она поставила горшок на пол, снова взяла телефон и спросила, когда я приеду. Мы обсуждали конец месяца. Я обещала отвезти ее к тете на день рождения, потому что мама не любила пересадки и в последний раз вышла из автобуса за четыре остановки до нужной. В конце месяца у меня был монтаж, но билеты я уже смотрела.

— Я напишу тебе в пятницу, — сказала я. — Тогда куплю.

— Ты сначала купи, потом напиши. Я за эти дни успеваю столько раз обрадоваться, что к твоему приезду устаю.

Мы поговорили про горшок. Мама прислала фотографию листа с коричневым пятном. Я сказала, что, по-моему, она слишком много поливает, и она ответила, что именно поэтому звонит соседке, а не мне. После разговора я немного посидела у окна. Внизу у ворот менялась охрана. Один мужчина принес сменщику термос. Другой проверил крышку, сделал глоток и поднял большой палец. Уличный фонарь гудел, и вокруг него билась крупная ночная бабочка.

Адиль заглянул через полчаса.

— Файлы пришли. Послушал еще раз.

Я закрыла окно.

— И?

— Слишком похоже. Утром попрошу журнал. Сначала проверим, кто его заполнял и откуда в сводке цитата.

Он сел на край кровати. На переносице у него остался след от очков.

— До утра я могу еще раз прослушать, — сказала я. — Там в самом конце второго файла человек что-то кричит. Я не разобрала.

— Можешь. А можешь лечь и поспать. Утром у тебя будет тот же файл.

Он подождал, потом спросил:

— Кто, кроме Ясмин, уже в курсе?

— Я говорила в конторе с Фаридом и с Римой. Фарид искал карточку. Риму я спросила, узнала ли она Надима.

— Она узнала?

— Она сказала, что слышала только радио.

— Я начну с начальника порта. Если буду спрашивать Риму, сначала скажу тебе.

Он поцеловал меня в висок, забрал со стула свой пиджак и ушел. Я слышала, как он прошел по коридору, поздоровался с кем-то у лестницы и остановился ответить на вопрос. Говорил негромко. Слов я не разобрала.

Перед сном я написала Ясмин, что поговорила с Адилем и что он попросит портовый журнал. Она прочитала сообщение. Я уже потянулась к выключателю, когда телефон снова загорелся.

«Лейла спрашивает, сможешь ли завтра прийти пораньше. Она хочет посадить родных по семьям, а у нее опять получился список по алфавиту.»

Я ответила, что приду.

Уже в темноте вспомнила, что не сказала Адилю про Римину просьбу смотреть на заголовки граф. Решила рассказать утром. Представила, как он принесет журнал, как мы положим его между тарелками и вместе посмотрим, кто и когда внес последнюю запись.

В ту ночь я спала семь часов подряд.

Глава 3. Семь пустых стульев

Лейла стояла посреди зала с рулоном бумажной ленты на запястье.

— Умеешь отрывать ровно? — спросила она вместо приветствия.

— Ножницы есть?

— Были. Потом пришел человек с цветами.

Я сняла с ключей маленький складной нож. Лейла размотала ленту на ладони, и я нарезала полоски, чтобы закрепить карточки на спинках стульев.

Встречу устроили в здании фонда, в двух кварталах от порта. В нижнем зале обычно проводили бесплатные занятия для школьников. У дальней стены остались стопки тетрадей и карта острова, на которой дети отмечали флажками, где жили их бабушки. На южном мысе флажков было столько, что один свалился на пол. Пока мы расставляли стулья, Лейла подняла его и воткнула обратно в край карты.

Спереди она оставила семь мест. На каждом лежала карточка с именем человека с «Рахата». Родные должны были сидеть позади. Так распорядился организатор встречи. Лейла дважды сказала мне, что просила поставить места по кругу. Потом перестала говорить об организаторе и сама передвинула крайний ряд так, чтобы между ним и пустыми стульями можно было пройти, не протискиваясь боком.

Я нашла карточку Надима. Рядом со стулом стоял стакан воды.

— Зачем вода? — спросила я.

Лейла посмотрела на стакан, словно увидела его впервые.

— Девушка расставила на все места. Убери, пожалуйста.

Мы собрали семь стаканов и отнесли на длинный стол у входа. Там Лейла приготовила чай, коробки с печеньем и папки для каждой семьи. На папках тоже были фамилии. Она заметила мой взгляд и перевернула стопку.

— Суммы внутри. Некоторые приходят с соседями, а потом весь дом знает, кому сколько начислили.

— У всех разные?

— У кого дети, у кого родители. Кого-то содержал один человек. Еще есть страховка, она у каждого своя. — Она поправила край верхней папки. — Я тебе покажу, какие карточки ставить дальше.

Я рассказала, почему остановила ролик. Лейла перестала раскладывать ленту и выслушала меня до конца. Когда я сказала, что Адиль попросит журнал, она спросила, когда я говорила с ним.

— Вчера вечером. Он собирался сделать это сегодня.

— Хорошо. Сегодня семья Сафаров хотела принести флешку, чтобы получить запись. Договорились заранее. Я им скажу, что материалы задерживаются.

— Они знают, что мы собирались поставить голос Надима?

— Да. Его сестра попросила оставить отрывок целиком. Говорит, у нее все голосовые от него по три секунды. «Хлеб купил», «подойди вниз». Она хотела хоть одно длинное.

Лейла пригладила конец ленты к рулону, а потом никак не могла его подцепить. Я протянула ей нож. Она нашла ногтем край и размотала ленту без него.

— Марина, если понадобится говорить с семьей, скажи сначала мне. Я знаю, кто сможет с тобой разговаривать.

— А кто не сможет?

Она подумала.

— Это я каждый раз узнаю уже после.

Дверь открылась, и в зал вошла женщина в темном пальто. На сгибе локтя у нее висела матерчатая сумка из аптеки. Я узнала голубой конверт, который она держала в руке. Вчера в конторе она ждала, пока Фарид распишется за его получение.

Лейла отложила рулон и пошла к ней.

— Амина, вы сегодня рано.

— Мне сказали, в девять можно получить бумаги до встречи.

— Можно. Давайте я принесу ваши.

— Я подожду. Вы сначала найдите мне место, откуда я смогу встать.

Лейла показала на проход, который мы только что расширили. Амина села с краю, положила сумку себе на колени и придвинула стул на несколько сантиметров назад. Ей и правда теперь было легче подняться. Я подумала, что сама бы не догадалась об этом попросить. Переставила бы стул уже в середине выступления и все оставшееся время злилась бы на человека, который поставил его так близко.

Лейла принесла папку с надписью «Хаддад». Амина открыла ее, прочла первую страницу и спросила, где вторая. Лейла села рядом. Они заговорили тише, и я ушла к столику с чайником.

Через несколько минут Амина подошла ко мне.

— Вчера вы в порту были?

— Да. За записью.

— Вы делали фильм про старый паром.

Мне понадобилась секунда, чтобы понять, откуда она знает.

— Я записывала там звук.

— У меня брат вам кран открывал, чтобы вы услышали, как свистит труба. Вы ему потом сказали, что он слишком близко к микрофону дышит.

— Саид?

Она кивнула. Я вспомнила, как мы с механиком сидели в машинном отделении старого парома. Он назвал каждую трубу по имени, будто они работали с ним в одной смене. Под конец попросил выключить запись, потому что хотел показать мне фотографию племянника, устроившегося на новую работу.

— Карим ваш сын?

— Мой.

Она сжала конверт так, что угол завернулся внутрь.

— Мне нужно кое-что у вас спросить. Когда здесь начнут говорить, я уйду. Вы могли бы выйти раньше?

Я посмотрела на часы. До встречи оставалось десять минут. Сказала, что могу выйти прямо сейчас.

* * *

За зданием фонда был маленький двор со столом для настольного тенниса. Сетку сняли на зиму, но мелом еще стоял счет, который кто-то написал прямо на столешнице. Амина поставила сумку на цифру семь и достала из кармана телефон. Чехол отставал в одном углу. Она прижимала его большим пальцем всякий раз, когда проводила по экрану.

— Вы разбираетесь в записях, — сказала она. — В телефонах тоже?

— Смотря что нужно.

— Вот человек прислал сообщение. Можно узнать, где он был, когда прислал?

— Если в сообщении есть метка места, иногда можно. Покажете?

Она открыла переписку и подержала телефон так, чтобы я увидела дату.

Двадцать первое октября. Семь тридцать две вечера.

«Мам, принеси очки. В жестком футляре, серые. Скажи, что для Карима, в старую амбулаторию. Через боковую дверь. Я потом объясню.»

Ниже шло ее сообщение.

«Я уже иду. Где ты?»

Потом еще одно.

«Я у двери. Тут никого нет.»

Еще ниже — два пропущенных вызова. На следующий день Амина написала, что оставила очки у себя, чтобы они не потерялись.

Я перечитала верхнюю строчку. Катер пропал восемнадцатого вечером. На экране ясно стояло двадцать первое. Три дня спустя.

— Это его номер? — спросила я.

Амина пролистнула переписку вверх. Карим спрашивал, купить ли хлеб. Присылал фотографию порванного ботинка. За день до шторма написал, что выйдет с работы позже. Она отвечала, чтобы заказал машину и не ждал ночного автобуса.

— У него две пары, — сказала она. — В жестком футляре запасные. Когда он говорит «серые», это дужки серые. Стекла толстые. Он в школе сломал такие же и до вечера не говорил, потому что боялся, что я рассержусь. Потом сел есть, взял солонку и насыпал соль прямо себе на руку. Я тогда поняла, что он видит только белое пятно.

Она прикрыла экран ладонью. Двор был прохладный, но солнце уже добралось до стола и легло прямо на телефон.

— Они мне сказали, что сообщение могло прийти поздно. Связи не было, а когда появилась, все дошло разом.

— Кто сказал?

— В полиции. Я им сначала поверила. Потом стала думать. Восемнадцатого он вышел из дома в очках. Я видела. И зачем ему восемнадцатого просить прийти в амбулаторию? Я и спросила. Тогда мне сказали, что телефон мог подобрать кто угодно. Но серые очки у меня лежали в шкафу. Откуда кто угодно знает про шкаф?

— Он написал про футляр, — тихо сказала я.

— Я знаю, что написал.

Она посмотрела на меня и убрала ладонь с экрана.

— Простите. Мне это уже говорили. Они берут одно слово и заставляют тебя объяснять его так долго, что ты забываешь, о чем пришла спросить.

Я придвинула телефон к тени от ее сумки. На экране появилась вся переписка.

— Я не могу по этому сообщению установить, откуда его отправили. Время на экране показывает, когда оно появилось в переписке. Нам нужно еще что-то, что связывает его с этим днем или с амбулаторией. Вы говорили, что ходили туда. Расскажите, что было у двери.

Амина разжала пальцы. Телефон лег на стол.

— Боковая дверь со стороны склада. Там прежде был звонок. Я нажимала, но звонка не слышала. Постояла. Потом пошла вокруг к лестнице. Снизу на ступеньках было мокро. Наверху горела лампа. Кто-то закрыл дверь, пока я шла. Я слышала, как щелкнул замок. Позвала Карима. Тихо, потому что рядом были люди.

— Вы их видели?

— Через ворота. Двое у машины. Один курил. Я подумала, охрана, и решила обойти к главному входу. Когда дошла, света уже не было.

Она взяла телефон, включила экран и снова открыла сообщение, хотя мы обе уже знали его наизусть.

— Вчера я опять пошла в порт. Хотела, чтобы приняли письмо. Просто приняли и отметили. На первой странице я написала, что он с двадцать первого ни разу не выходил на связь.

Человек за стойкой сказал, что может поставить штамп на заявление о пропуске. Про человека они таким штампом ставить не могут.

— Письмо у вас?

Она подняла голубой конверт.

— Хотите прочесть?

Я кивнула. Она протянула его, но держалась за край, пока я не взяла двумя руками.

За письмом лежала фотография Карима на рабочем месте. На нем были очки на шнурке и куртка с оранжевой полосой. Амина дала мне рассмотреть снимок. В письме были даты, номер телефона и адрес амбулатории. Еще Амина написала, во что был одет Карим, когда уходил из дома. Темные брюки. Куртка с оранжевой полосой. Очки на черном шнурке. Внизу стояла просьба проверить, обращался ли он за медицинской помощью после восемнадцатого. На обороте Амина записала часы трех визитов. В полицию, в фонд и в портовую контору.

— В фонде вы кому показали сообщение?

Она спрятала телефон в карман.

— Девушка сняла копию. Сказала, что передаст тем, кто сможет проверить. Тогда еще шли поиски. Я думала, через них будет быстрее.

Из зала послышался микрофон. Кто-то сказал: «Раз, раз», потом попросил добавить громкости. Амина подняла сумку. Мне показалось, она собирается уйти, но она только перевесила ее на другую руку.

— Можно сохранить у себя снимок сообщения? — спросила я. — Вместе с датой и номером. Я отмечу, когда его увидела. Если вы захотите, я его удалю. Пока никому пересылать не буду.

— Даже в фонд?

— Даже в фонд.

Она подождала, потом снова достала телефон.

— Сделайте еще один, где про хлеб. Чтобы видно было, что он и раньше писал с этого номера.

Я сделала два снимка. Дала ей посмотреть оба. На первом отражался край теннисного стола, и цифра семь пересекала дату. Мы переставили телефон и сняли заново.

* * *

В зале уже сидели люди. Лейла стояла у первого ряда с листом в руке и объясняла, почему сегодня не будет видео. Она сказала, что семьям сообщат отдельно, когда смогут показать материалы. Несколько человек переглянулись. Женщина у стены подняла руку и спросила, можно ли ей все равно получить запись брата. Я догадалась, что это сестра Надима, когда увидела у нее в руке белую флешку.

Я подошла ближе. На ней было темное платье без карманов. Она все время перекладывала флешку из руки в руку.

— Я работала с вашим братом на учениях, — сказала я. — У меня сохранился длинный отрывок. Могу показать его вам отдельно, если захотите.

— С учений?

— Да. Он в ангаре. Читает текст и спорит со мной.

Она сжала флешку, потом спросила:

— Долго спорит?

— Достаточно, чтобы я запомнила.

Она достала из сумки ручку и написала свой номер на обороте программы. Пока писала, кто-то занял ее стул. Она подошла и попросила человека пересесть. Я убрала программу в карман. Когда подняла глаза, Амины в зале уже не было.

У входа меня догнала Лейла.

— Что-то случилось?

— Амина ушла. Она говорила, что уйдет до начала.

Лейла посмотрела на пустое место с краю, которое мы для нее оставили.

— Она и в прошлый раз ушла. Ей тяжело, когда читают имена.

В зал вошел фотограф. Он поднял камеру, повернулся к первому ряду и жестом попросил людей сесть плотнее. Лейла пошла к нему и опустила ладонь перед объективом. Они коротко поспорили. Фотограф в конце концов взял камеру за ремень и вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.